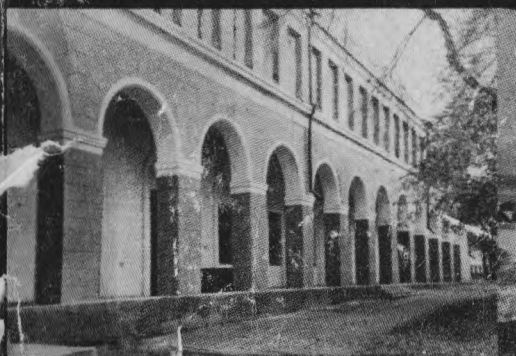
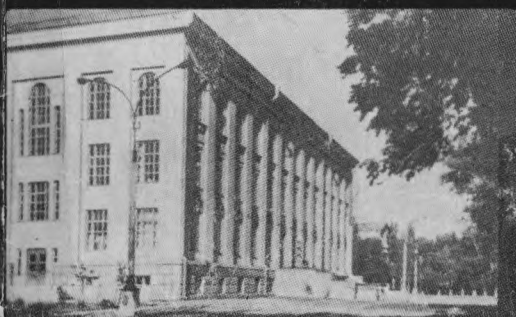

Е.Г. Писарской

архитектор

ВЛАДИМИР НУСОВ

85.113(2)

1734

Е.Г. Писарской

архитектор

ВЛАДИМИР НУСОВ

б.р

Очерк о жизни и творчестве

е-21

7

6

9

8

7

е

1

и

б

9

0

2

и

кв

Фрунзе
«Кыргызстан»
1986

85.113(2)7

85.118

П 34

Писарской Е. Г.

П 34

Архитектор Владимир Нусов: Очерк о жизни и творчестве. — Ф.: Кыргызстан, 1986. — 40 с.: ил.

Владимир Ефимович Нусов — заслуженный архитектор Киргизской ССР — один из старейших архитекторов республики, вложивший много труда в развитие ее зодчества.

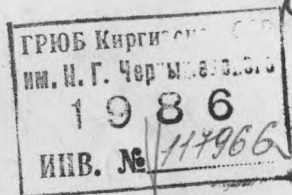
Архитектура Советской Киргизии — уникальное явление в истории советской и мировой культуры. Важную роль в ее становлении сыграли архитекторы, работавшие на ранних этапах ее развития.

Рассказ о творчестве одного из основателей современной архитектуры Киргизии будет интересен не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

П 4902030000—91 255—86
М 451 (17)—86

ББК 85.118

Рецензент А. И. Куделя, архитектор, лауреат Государственной премии Киргизской ССР им. Токтогула

3

Встретился я с Владимиром Ефимовичем Нусовым, помнится, во второй половине февраля 1947 года. Наше знакомство состоялось во Фрунзе, в городе, с которым я связал свою судьбу. Я, молодой в те поры специалист, был направлен на постоянную работу в трест «Киргоспроект», где работал В. Е. Нусов. Плечи Владимира Ефимовича, как, впрочем, и мои, облежала выдавшая виды, стираная-перестиранная гимнастерка, которую он исправно донашивал после демобилизации из армии.

Мы разговорились, а впоследствии и подружились, и я очень благодарен ему за помощь в постижении особенностей архитектуры Средней Азии, которую он хорошо знал. Нас сразу же сблизило и то, что, как выяснилось, мы воевали на одном фронте, служили в одних и тех же войсках, освобождали Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию и Австрию. Вспоминали, восхищались красотой архитектуры Вены, с болью говорили о варварстве гитлеровцев, которые без жалости уничтожали величайшие творения гениальных зодчих и выдающихся строителей...

Сейчас Владимиру Ефимовичу Нусову, заслуженному архитектору Киргизской ССР, перевалило за семьдесят лет, однако он продолжает плодотворно трудиться, ведет большую общественную работу, направленную на дальнейшее совершенствование киргизской архитектуры, воспитание молодого поколения архитекторов.

Владимир Ефимович — вполне утвердивший себя мастер. Годами накопленный профессиональный опыт он не только использует в своих непрерывных творческих исканиях, но и по-отцовски щедро делится им с молодежью. Маститый архитектор, Владимир Ефимович полон жажды узнавания и созидания.

Максим Горький говорил, что можно много видеть, читать, можно кое-что вообразить, но чтобы сделать — необходимо уметь, а умение дается только трудом. Эти слова в полной мере относятся к Владимиру Ефимовичу Нусову — истинному труженику в архитектуре, который всегда жертвовал своим спокойствием во имя долга художника, чувства ответственности перед народом.

Творчество, характер Владимира Ефимовича объединяют в себе множество самых разнообразных свойств и качеств. Для того, чтобы полнее и четче воспринять их, думается, следует познакомиться с условиями и обстановкой, в которых они формировались и развивались.

Из воспоминаний В. Е. Нусова. Я родился в белорусском местечке Кричеве. По обеим сторонам его кривых и пыльных улиц располагались несколько десятков небольших усадеб, хозяевами которых значились крестьяне-белорусы, мещане-поляки, ремесленники-евреи. До Великой Октябрьской революции в Кричеве не было ни больницы, ни библиотеки, ни клуба.

Кричев — это очень древнее поселение, возникшее около тысячи лет тому назад на высоком и обрывистом берегу реки Сож, среди дремучих лесов, в которых водились лоси, зубры, кабаны и медведи. В речке и ее притоках было много рыбы, на заливных лугах росла трава в рост человека. Глубокие причудливые овраги придавали селению удивительно живописный вид.

К началу XX века леса отступили на три — четыре километра от Кричева, но были еще могучими...

Я застал в Кричеве пять деревянных и одну каменную церковь, две древних часовни на кладбищах, монументальный костел с двумя башнями, пять синагог, дворец местного пана Голынского и мрачный замок пана Белостоцкого.

Самым важным событием в жизни местечка был еженедельный базар, на который в пятницу съезжались крестьяне со всей округи. Примечательно, что каждый год в Кричеве было не меньше трех пожаров, своим жарким пламенем уничтожавших деревянные постройки.

В одной из крестьянских усадеб, в небольшой избе с пятью окнами, жила и наша семья. Я — одиннадцатый ребенок в семье.

Агафья Павловна — мать — была неграмотной. Отец — Ефим Никитович — единственный сын у своих родителей — был большим тружеником. Дед мой, человек мягкого, но настойчивого характера, пристрастил моего отца к систематическому упорному труду, обучил его сапожному делу.

Отец окончил всего два класса, однако любил при случае пофилософствовать, весьма вольно рассуж-

дая о религии. И хотя его нередко приглашали читать псалтырь над покойниками, ни в бога, ни в черта он не верил. Отец Владимир, священник Никольского прихода, возмущившись вольными разговорами, отлучил отца от церкви.

Характерной чертой моего отца было доверчивое и доброжелательное отношение к людям. В нашей избе часто находили приют, а то и жили неделями нищие, изгои. Изможденные телом, иные из них были крепкие духом, много видели, знали, «платили» за постой удивительными рассказами, сказками, легендами, которые мы, детишки, впитывали, как губки.

Отец был здоровья крепкого, завидного. Коренастый, широкий в плечах, он за световой день легко мог скосить десятину, свободно обращался с огромными пятипудовыми мешками. А работать он мог сутками, работал споро, с азартом и песней. Всякое, даже самое неприятное крестьянское занятие выполнял с удовольствием.

Мать моя, женщина добрая, спокойного характера, любознательная, исключительно терпеливая и трудолюбивая, из одиннадцати родившихся детей вырастила семерых. Ее искренней страстью были путешествия. Она пешком ходила даже в Киево-Печерскую лавру. Это она делала, пожалуй, не только для того, чтобы склонить голову над святыми мощами, а больше за тем, чтобы своими глазами увидеть мир за границами родной округи.

В другой раз она отправилась в Варшаву, в которой в военном госпитале находился на излечении мой старший брат Даниил. Третье — самое длинное — ее путешествие было на Северный Кавказ, к дочери Пеллаге, которая жила и учительствовала в станице, расположенной неподалеку от Минеральных Вод. Рассказы матери о жизни, людях стали для меня дорожкой, интереснее волшебных сказок.

Сейчас я понимаю, что это она привила мне интерес к познанию жизни, взлелеяла те чувства, которые определили и мое призвание: это были любовь к природе, ко всему прекрасному в ней, к тому, что создают руки и разум человека, стремление выразить себя не только словами, но определенными, осязаемыми категориями.

Главным желанием матери было дать образование детям. Однако в то время об этом приходилось

только мечтать. Старший мой брат Даниил был от природы одаренным математиком, успешно решал сложные арифметические задачи и с удивительной легкостью, прямо в уме, множил многозначные числа. Однако и ему не суждено было учиться.

Сапожному мастерству обучил меня брат Василий, которому я помогал тачать задники, прибивать кожаные подметки деревянными шпильками, сучить и смолить дратву. Прежде чем пустить на каблуки толстый картон желто-коричневого цвета, брат разрезал мне рисовать на нем древесным углем.

К рисованию я пристрастился с четырнадцати лет, используя в качестве «натуры» репродукции с картин и фотографии из отрывного календаря, в котором меня особенно привлекали изображения дворцов, вокзалов и других общественных зданий. С большим удовольствием перерисовывал я пейзажи из журнала «Нива».

Однажды я скопировал из календаря четыре московских вокзала. Брату Василию мои рисунки очень приглянулись, и он сказал:

— Жалко картон с рисунками резать на каблуки, повесь на стены.

Мои «произведения» чуть ли не месяц красовались в нашей избе, и, не скрою, мне было приятно, когда кто-нибудь из соседей с восхищением осматривал мою первую в жизни «выставку».

После того, как Василий отделился, стал жить своим домом, я перестал заниматься сапожным делом и начал готовиться к поступлению на рабфак.

В школу пошел десяти лет, как сейчас помню, в сатиновых штанах и домотканной рубашке, подпоясанной пеньковой веревкой. В первом классе запомнилась роль Репки в спектакле по мотивам народной сказки.

Когда я учился во втором классе, отец Владимир, тот самый, который отлучил моего отца от церкви, в один из дней поздней осени не явился в класс, — грянула Великая Октябрьская социалистическая революция, и школа отказалась от его услуг. Конечно, суть ее нам еще трудно было понять, однако тому, что закона божьего больше не будет, мы, мальчишки, обрадовались от всей души.

Еще всплывает в памяти доброе, но грустное лицо учительницы Анны Семеновны: было тяжелое вре-

мя, шла гражданская война, труд учительницы почти не оплачивался. Мы — ученики — приносили в школу муку, крупу, картофель. Когда учительница принимала наши «дары», глаза ее наполнялись слезами.

Помню, что домашние задания выполнялись при тусклом свете лучины, потому что керосина не было, а льняное масло жалели, так как оно шло в пищу.

Вскоре, в четвертом классе, закончилось мое учение. Хотелось учиться дальше, и мать, которая верила в более светлое будущее, обнадежила:

— Станет жизнь лучше, пойдешь в школу.

В Кричеве, как и во всем уезде, установилась Советская власть. Панов Голынского и Кокашинского, заводчика Ноткина будто ветром сдуло, а их земля и все имущество были национализированы. Дворец Голынского, усадьбу Кокашинского отдали под школы, а особняк лесозаводчика заняли уездные комитеты партии и комсомола, районная библиотека и клуб.

С восьми лет началась трудовая жизнь будущего архитектора: он был подпаском, водил в ночное лошадей, пахал землю, копнил сено, ездил в лес за дровами.

Свободного времени для игр было мало, особенно летом. Но все же мальчик часто, с большим интересом бродил по Кричеву. На всю жизнь в его памяти сохранились костел с громадным распятием Иисуса Христа, красочные разноцветные пятна на каменном полу от многоцветных готических витражей.

Не раз детское сердце волновалось и от таинственного мерцания ликов святых на иконах в полусумраке маленькой деревянной церквушки, которая стояла на кладбище. Привлекали внимание мальчика сияющий золотом иконостас церкви святого Николая, сумрачные стрельчатые окна в массивных стенах замка Белостокского и овальный зал с деревянными скульптурами в усадьбе этого пана.

От природы любознательный, Владимир в раннем возрасте пристрастился к чтению книг из народной библиотеки, находившейся в бывшем доме Ноткина. Теперь на стенах висели революционные плакаты и яркие стенные газеты. Они рождали в сердце мальчика жгучий интерес к живописи и рисованию...

Из воспоминаний В. Е. Нусова. Я очень рано любил народные песни, а научившись читать, увлекся книгами. Особенно мне нравились описания пу-

тешествий на Северный полюс, в Африку, Азию и Америку.

В шестнадцать лет, в 1924 году, я стал пионером, а через год в торжественной обстановке — комсомольцем. С этого времени начал писать лозунги, рисовать стенные газеты. Интуитивная тяга к живописи и архитектуре, думается, появилась у меня еще в далекие школьные годы, когда мы с товарищами заглядывали в высокие стрельчатые, с цветными стеклами, готические окна местного костела, через которые были видны огромное распятие Иисуса Христа и другие деревянные скульптуры. Каменный пол, выстланный черными и белыми плитками, освещенный косыми лучами солнца, придавал особую таинственность интерьеру этого монументального сооружения. А написанные неяркими красками печальные лики святых на скромном иконостасе церкви святого Николая, построенной XVII веке белорусскими плотниками, врезались в память на всю жизнь.

Помню, как-то приехал к нам в гости мой брат Иван и подарил мне пять миллионов рублей за то, что я нашел утерянные им часы. Эта умопомрачительная сумма не была такой уж большой по тем временам. На два миллиона был куплен один килограмм селедки, а на оставшиеся три — коробочка акварельных красок.

Этим красками я пытался изображать увиденное.

В первой половине 20-х годов советская деревня стремилась к знаниям, культуре. Еще до вступления в пионерскую организацию меня привлекали к участию в самодеятельных спектаклях.

Мы увлекались классикой. «Юлий Цезарь» Шекспира, «Скупой рыцарь» Пушкина и «Бежин луг» Тургенева шли по разу в неделю в течение двух месяцев. Декораций по существу не было, как, впрочем, и суфлеров, потому что роли заучивались наизусть.

Зато в зрителях недостатка никогда не было. На наши спектакли приходили люди не только из Кричева, но и из близлежащих деревень. Они с удовольствием бывали на наших представлениях, направленных против религии, мирового капитализма, непманов и прочих врагов революции.

Иногда мы проходили по главным улицам Кричева, распевая революционные песни Демьяна Бедного и Александра Безыменского...

Но мысль о продолжении учения не оставляла Владимира Нусова. Многие его друзья и знакомые уезжали на учебу в Москву, Ленинград и Минск. Чтобы не отстать от них, он решает самостоятельно одолеть программу семи классов, и за два года (в основном занимался зимой) достигает заветной цели.

В июле 1927 года Владимир Нусов, сын бедного крестьянина, комсомолец, отправляется в Ленинград, где жили два его брата — Роман и МIRON, студенты.

Желающих учиться тогда было очень много. После долгих и мучительных размышлений он выбрал техникум кустарно-художественной промышленности (ныне Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В. И. Мухомовой), который находился в Соляном переулке.

Экзамены выдержаны успешно, и Нусов зачисляется на коврово-ткацкое отделение техникума. Радости не было предела: начиналась студенческая жизнь!..

Из воспоминаний В. Е. Нусова. Общежитие нашего техникума находилось на берегу канала им. Грибоедова, справа от него стояла красивая церковь. Задним фасадом общежитие выходило в старинный Михайловский парк с прекрасными липовыми аллеями.

В одном из учебных корпусов на Соляном переулке был кустарно-художественный музей, уже тогда широко известный во всей стране, в котором экспонировались редкие ковры, гобелены и другие уникальные предметы художественного ткачества, резьба по дереву.

Мне, как и другим студентам, была назначена десятирублевая стипендия, которую я на руки не получал, через бухгалтерию она передавалась в учебно-бытовой сектор в качестве платы за питание. На прочие расходы зарабатывал, разгружая лес в порту, убирая снег и наледь с крыш, подсобничая на обувном заводе «Скороход», так как родители были не в состоянии помогать мне...

Непосредственное знакомство с архитектурой началось с лета 1927 года. Каждый день по пути в техникум я проходил через Марсово поле, Михайловский и Летний сады с беломраморными скульптурами, зданиями, возведенными по проектам знаменитых архитекторов России — В. Баженова, К. Росси, В. Стасова и других...

За два года учебы в техникуме десятки раз бывал в Русском музее и Эрмитаже. Особенно восхищался произведениями Рембранта, Рафаэля, Микеланджело, французской живописи.

Из русских художников полюбил Ге, Поленова, Репина, Левитана, Боровиковского, скульпторов Антокольского и Шубина.

В те поры художественные выставки различных творческих направлений следовали одна за другой, на которых «мирно» соседствовали произведения абстракционистов и ярых приверженцев реализма. Сколько было горячих споров, не было одного — равнодушия.

То и дело проводились дискуссии на политические, атеистические, богословские, научные, моральные и бытовые темы и тоже — с яростными спорами. Мне посчастливилось присутствовать на лекции А. В. Луначарского об искусстве и на его диспуте «Есть ли бог?» с богословом Введенским.

Во время демонстрации в Октябрьские праздники я видел М. И. Калинина, С. М. Кирова, С. М. Буденного и других руководителей партии и правительства.

На книжных базарах можно было встретить самых знаменитых писателей. В нашем техникуме читал свой роман «Братья» Константин Федин — высокий, элегантный, очень интеллигентный человек, лет тридцати пяти. Небольшой зал был набит битком. В то время особой популярностью среди студентов пользовались Есенин, Маяковский, Безыменский, Пастернак, Хлебников, Блок, Белый, Горький, Пантелеймон Романов, Д. Бедный, А. Толстой, Зощенко, Неверов.

Летом 1929 года на каникулы не поехал домой: работал в порту на погрузке леса. Вечерами посещал студию рисования, так как надо было готовиться к поступлению на архитектурный факультет Высшего художественно-технического института (бывшая Академия художеств)...

Быстро пролетели дни: экзамены успешно выдержаны, и я — студент одного из прославленных учебных заведений страны.

Здание института было построено при Екатерине II по проекту Валена де-Лямота и Кокоринова и являлось шедевром раннего классицизма в русской архитектуре.

Считаю, мне повезло: время учебы в институте было буквально пронизано духом новаторства, поисками нового в архитектуре, эксперимента в самой методике преподавания. До известного постановления партии и правительства о реформе творческих организаций в стенах нашего института господствовали «левые» направления.

На занятиях в натуральных залах преподаватели, к примеру, рисунка настойчиво рекомендовали обращать внимание на пятно, плоскость, линию, движение и экспрессию изображаемого, в то время, как перед нами стояла на подставке неподвижная, мощная и пластичная фигура человека. Нам же предлагалось представлять ее в виде абстрактно расположенных пятен, линий и других условностей. К реалистическому рисунку относились в лучшем случае равнодушно, заковыристая же, разудалая неопределенность получала самые высокие оценки.

Ордерная система из программы была устранена, история архитектурного наследия читалась лишь для сведения. Внимание студентов направлялось на конструктивизм и формализм в архитектуре, которые выдавались за эталоны творческого мастерства.

Работы крупнейших мастеров этого периода широко шельмовались в печати, их не допускали к преподаванию в институте. Вспоминаю печальный случай, когда на глазах ректора из института демонстративно вынесли превосходные слепки с шедевров классических скульптурных произведений и оставили под осенними дождями.

В это же время из музея института был похищен целый ряд превосходных студенческих графических работ, а также живописных полотен, накопленных почти за полуторавековой период существования Академии художеств.

Партийные и советские органы Ленинградской области приняли решительные и действенные меры, и вскоре был наведен порядок. Но начались методические эксперименты, и мы на себе испытали несостоятельность, к примеру, бригадного метода преподавания, суть которого сводилась к тому, что при проверке знаний слово «экзамен» исключалось из обихода: за всех своих товарищей «отдувался» перед преподавателем самый успевающий студент, а отметки между тем выставались каждому члену группы.

Экспериментаторские «заскоки» продолжались вплоть до упомянутого выше директивного постановления партии и правительства, которое ознаменовало собой крутой поворот архитектурного искусства к социалистическому реализму и критическому освоению творческого наследия прошлого.

В это же время усиленно восстанавливалась оправдавшая себя методика академического обучения. Издательства стали большими тиражами выпускать литературу по архитектуре древней Греции, Рима, эпохи Возрождения, в том числе по архитектуре России и древней архитектуре народов СССР. Быстро перестроились на новый лад и наши архитектурные журналы и другие издания.

Вскоре в курсовых проектах, а затем и в дипломных работах появились колоннады, арки и другие архитектурные мотивы и детали, которыми совсем недавно пренебрегали. Постепенно наметился переход к полному использованию ордерных и других архитектурных систем.

К тому же, теоретическая подготовка хорошо подкреплялась серьезной производственной практикой. Мы проходили ее на строительстве многоэтажных жилых домов в Ленинграде, рабочем поселке Кондратьевке, что в Донбассе, городке Токсове под Ленинградом. Всем своим сердцем, всем разумом я прочувствовал труд каменщика, плотника, землекопа, шахтера. Нельзя забыть и тех, кто учил нас, давал нам знания. Среди преподавателей первым назову Л. Б. Руднева. Высокого роста, костистый, с крупными, выразительными чертами лица, эмоциональный, несколько он был иногда грубоват, но в то же время добр, общителен.

В 40—50-х годах текущего столетия по проектам Л. Б. Руднева был построен целый ряд зданий, в их числе и всемирно известный Московский университет, высотное здание Дворца культуры в Варшаве и Министерство обороны СССР.

А. С. Никольский, профессор, академик архитектуры, автор стадиона-холма на Кировских островах в Ленинграде, был одним из оригинальных зодчих-новаторов в архитектуре 20—30-х годов. По его проектам осуществлено строительство многих общественных и жилых зданий в Ленинграде и других городах.

Превосходный знаток русской архитектуры, он даже в горькие годы блокады не расставался с идеями реконструкции города Ленина.

В феврале 1934 года Владимир Нусов успешно защитил дипломный проект на тему «Военно-исторический музей», выполненный в духе архитектуры эпохи Возрождения. Получив диплом архитектора по проектированию жилых и общественных зданий, он со своим однокашником Владимиром Вараксиным выехал по направлению в родную Белоруссию.

Страна в те годы очень нуждалась в зодчих — повсюду шло строительство. Конечно, нелегко было ему оставлять Ленинград, друзей, товарищей, но зов к самостоятельной работе был сильнее других желаний и привязанностей. В марте 1934 года архитекторы Нусов и Вараксин прибыли в распоряжение треста «Белгоспроект» — самой крупной проектной организации в столице республики.

После беседы с ведущим архитектором А. И. Войновым, ныне профессором, началась самостоятельная деятельность. В то время там работал ленинградский архитектор И. Г. Лангбард, по проектам которого в Минске были построены Дом правительства, Дом Красной Армии, возводился театр оперы и балета. Опытный коллега нередко консультировал молодых архитекторов.

Первой большой работой Нусова был проект колхозного санатория в окрестностях города Могилева, построенный на высоком и крутом берегу Днепра. Следующим был проект Дома Советов в городе Борисове. Это монументальное трехэтажное здание с полуколоннами, но без капителей, построено в 1936 году. Вместе с Вараксиным он проектирует кинотеатр для города Полоцка, затем в соавторстве с А. И. Войновым, — гостиницу на 300 мест.

Это был последний проект перед призывом в армию. Военскую службу проходил в Ленинградской области. Когда выпадала свободная минута, с удовольствием рисовал уникальные памятники великого города.

Из воспоминаний В. Е. Нусова. В октябре 1935 года я был демобилизован из рядов Красной Армии. Во мне боролись два желания: куда ехать — в Москву или Минск? Первое победило, потому что в Москве, столице, можно было многому научиться, ведь именно там трудились многие мои кумиры. Большое значение при выборе сыграло и то обстоятельство, что в Москве жили два моих брата.

По приезде устроился в архитектурно-художественную мастерскую Наркомпроса, где группа архитекторов и дизайнеров занималась разработкой чертежей оформления интерьеров театра для города Смоленска. Работа была очень интересной, особенно привлекали меня архитектурные детали. Интерьеры разрабатывались в духе русского классицизма конца XVIII века.

Когда мастерская была расформирована, меня перевели в бригаду проектного бюро, которая разрабатывала рабочий проект здания музыкально-хореографической школы им. Гнесиных.

После работы я с огромным удовольствием посещал кружок рисунка и акварели при Доме архитекторов, а также вечерние курсы по повышению квалификации, слушал лекции по истории архитектуры и искусства. Мне посчастливилось слышать выступления А. В. Щусева, А. Н. Брунова, профессоров Московского архитектурного института, и других виднейших архитекторов страны, ярко пропагандирующих неоклассицизм, одним из верных поклонников которого был и я.

В предвыходные дни часто устраивались встречи с известными артистами эстрады, драматических и оперного театров. А по воскресеньям я часто с этюдником выезжал в Загорск и Кусково, Архангельское и другие места Подмосковья, где делал этюды и рисовал памятники русской архитектуры.

Два московских года стали для меня увлекательной, весьма полезной школой повышения архитектурного мастерства, расширения культурного кругозора. Последней работой этого периода был проект — спальный корпус санаторного комплекса «Красная Москва» в Сочи.

Замечу, что работа в мастерской ВЦСПС меня не удовлетворяла, хотелось самостоятельности, творчества без опеки, и после долгих раздумий я твердо решил, что поеду в Киргизию. В начале 1938 года уволился, предварительно договорившись с постоянным представителем республики в Москве, и не без грусти покинул столицу. Утешало то, что мне была обещана всяческая поддержка Министерства местной промышленности Киргизской ССР.

На пятые сутки поезд прибыл на станцию Пишпек. От вокзала — маленького одноэтажного здания,

построенного в духе провинциального модерна, до Дома дехканина тащился на одноконной телеге по дороге, вдоль которой тянулись сады с белыми домиками. Изредка встречались двух- и трехэтажные дома.

Переночевав, отправился в министерство. К моему огорчению, там мне дали, как говорят, от ворот поворот: оказалось, что не нужны ни архитекторы, ни чертежники, ни художники, а требуются механики.

Глубоко огорченный и до предела растерянный, я покинул кабинет. Наличными у меня оставалось всего три рубля. Мою растерянность заметила секретарь министра, миловидная женщина лет тридцати. Узнав в чем дело, она ободрила меня: «Идите в «Киргоспроект», там нужны архитекторы».

По указанному адресу я нашел одноэтажное здание на перекрестке улиц Краснооктябрьской и Киевской и, мучимый сомнениями, вошел в первую попавшуюся дверь.

В кабинете за небольшим письменным столом сидел молодой мужчина с приветливым, открытым лицом, умным взглядом черных глаз. Он просто сказал:
— Садитесь, слушаю вас.

И действительно, внимательно выслушав, задал несколько вопросов, а потом сказал:

— Оформляйтесь. А где остановились?

— В Доме дехканина.

— Помогу устроиться в гостиницу...

Это был Георгий Александрович Градов, один из первых руководителей «Киргоспроекта». Он приехал в Киргизию в 1936 году, сразу же после окончания архитектурного института и аспирантуры в Москве. Человек он был высокообразованный, широкого круга интересов.

Его заместителем и помощником являлся архитектор-градостроитель Василий Кузьмич Змиевский, питомец славного Одесского художественного института. В штатах «Киргоспроекта» в ту пору числилось немного сотрудников, что-то в пределах тридцати человек, и среди них всего около десяти архитекторов и техников. Четыре специалиста — архитекторы и техники — трудились в еще одной проектной организации — «Промпроект».

Эти две организации обеспечивали всю республику проектной документацией для гражданского и промышленного строительства. Архитектор В. Е. Нусов с энтузиазмом

включился в творческую работу. Старшим по возрасту в «Киргоспроекте» был Виктор Георгиевич Коновалов, которому было всего-то немногим больше тридцати лет.

Перед молодыми архитекторами стояло много проблем: как вести реконструкцию столицы и городов республики, строить жилые и гражданские здания в условиях Средней Азии, учитывая местные особенности, какой должна быть этажность застройки, по какому пути развиваться киргизской архитектуре?..

Жизнь торопила решать эти важные, неотложные задачи.

В 1938 году в Киргизии создается отделение Союза архитекторов СССР, которое сыграло большую роль в организации творческой работы и выполнении многих задач в области архитектуры и строительства. В частности, был брошен клич «Архитектор, на леса!», призывающий быть ближе к жизни.

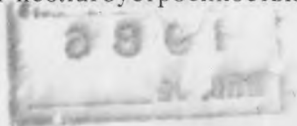
Зодчие принялись самым серьезным образом изучать народное художественное творчество и архитектурное наследие Средней Азии, в том числе и Киргизии.

В то время Г. А. Градов совмещал должность директора «Киргоспроекта» и председателя Киргизского отделения Союза архитекторов СССР. Активная творческая деятельность Киргизского отделения Союза архитекторов велась в основном в двух направлениях. Часть архитекторов, положив за основу использование русского и зарубежного архитектурного наследия, разрабатывала проекты с учетом местных географических, экономических, демографических и других условий. Их коллеги из другой группы использовали мотивы зодчества Средней Азии и народного искусства Киргизии.

Общая же задача для тех и других определялась основными направлениями развития народного хозяйства третьей пятилетки, где намечалось огромное промышленное и гражданское строительство — реконструкция городов республики.

Из воспоминаний В. Е. Нусова. В «Киргоспроекте» мне было поручено работать над созданием жилого двухэтажного дома на шестнадцать квартир. Дом был построен на одной из главных улиц города Фрунзе.

Затем мне предложили разработку проектов одноэтажных жилых домов для рудника Ак-Тюз, куда я и был командирован для ознакомления с участком строительства и местными условиями. Дороги ужаснули меня своей неблагоустроенностью. Когда шофер

остановил машину, я увидел, что дальше дороги нет, идет узкая тропа. В живописной дали ущелья ярко выделялись поднебесные снежные вершины. Перед ними, на крутом зеленом скате, стоял темно-зеленый еловый лес. Справа круто, до самых облаков, поднимался хребет. Внизу, в темной, заросшей кустарником расщелине редела пенистая речка. Небольшие белые жилые домики, бараки и другие постройки терялись в прохладной, тенистой мгле ущелья.

Целую неделю я жил в этой почти первозданной красоте. В одной из прогулок по ущелью я наткнулся на киргизскую юрту, в которой жила большая семья. Дети, босые, играли на холодной земле, подставляя спины солнцу. Я вспомнил свое детство, черную избу, лучину, домотканую одежду. «Проекты дворцов пока следует отложить,— так подумалось мне,— выход — простое и удобное жилище из местных строительных материалов...»

— Где работаете? — спросил я у хозяина, невысокого, крепкого мужчины.

— На руднике, откатчиком.

— Почему вам не дали квартиру?

— Скоро получим,— последовал уверенный ответ.

Однако работа на стройке шла медленно, потому что не хватало рабочих. Молодой прораб пожаловался мне также на плохое снабжение стройматериалами и задержку проектной документации, что люди не идут на стройку из-за отсутствия жилья.

— Нам на первое время необходимо простое жилье,— заключил разговор прораб. — Нужны общежития, дешевые, такие, которые можно быстро построить.

Жизнь диктовала жесткие архитектурные формы и рачительный подход ко всему, что касалось зодчества и строительства: нужны типовые проекты, в которых соблюдены рациональные принципы организации жилой ячейки и требования экономики. Иного выхода не было, да и не могло быть, когда страна считала буквально каждую копейку.

Скажу прямо: не просто, не легко было приступить к решению этих задач с невеликим жизненным и проектным опытом. И все же архитекторами, специалистами-смежниками за три месяца была разработана серия одноэтажных жилых домов и культурно-бытовых зданий. Строители от души благодарили

нас и, не откладывая дела в долгий ящик, принялись за претворение проекта в жизнь.

Когда я вновь приехал в Ак-Тюз, то многолетняя семья моего знакомого уже жила в просторной трехкомнатной квартире, в которой было печное отопление, электричество, правда, отсутствовали водопровод и канализация. По тем временам такие квартиры считались просто прекрасными; и жители благодарили строителей. С 1939 года положение с жильем на руднике стало заметно улучшаться...

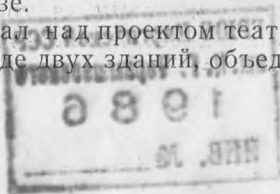
Страна Советов быстро набирала силы. Многого еще не хватало, особенно в быту, однако партия и правительство даже в этих сложнейших условиях находили средства для сбережения и изучения памятников истории и культуры народов СССР.

Как и в других республиках, в Киргизской ССР в этом направлении проводилась большая работа. В частности, летом 1938 года отделение Союза архитекторов СССР направило В. Е. Нусова и техника-архитектора А. В. Прищепу на обмеры и обследование памятников в Чуйскую и Таласскую долины. За два месяца они впервые в истории Киргизии произвели обмеры башни Бурана — памятник архитектуры X—XI веков, — которая находится неподалеку от города Токмака. Они занимались также и мавзолеем Манаса — сооружение XIV века. Впоследствии этот материал послужил основой для написания главы «Памятники архитектуры Киргизии» в книге известного ученого-археолога А. И. Бернштама.

Во время командировки В. Е. Нусов записал от стариков несколько сказок и легенд, которые имели непосредственное отношение к зодчеству. В Таласской долине архитектор с удовольствием слушал отрывки из легендарного эпоса «Манас», что, как он говорил, позволило в короткий срок выполнить необходимые чертежи по реставрации мавзолея Манаса и башни Бурана.

Приближался знаменательный для Киргизстана год — 1939-й, вся республика активно готовилась к Декаде киргизской литературы и искусства в Москве. Архитекторы получили заказ на разработку эскизных проектов театральных зданий для областных городов, а также проектов зданий филармонии и театрального училища с общежитием в городе Фрунзе.

В. Е. Нусов работал над проектом театрального училища. Он решил его в виде двух зданий, объединенных криво-

линейной колоннадой. Зданию, по мнению архитекторов, определялось место в центре города. По оси запад — восток в проекте располагался театр оперы и балета, слева от оси — музей изобразительных искусств, а справа — театральное училище.

Площадь перед театром оперы и балета вырисовывалась овальной и по своей композиции отдаленно напоминала площадь перед собором Святого Петра в Риме. Возможно, спроектированный комплекс стал бы украшением не только столицы Киргизии, но мог бы быть использован и строителями других городов Средней Азии, однако идею не претворили в жизнь, хотя на московской декаде творческая работа В. Е. Нусова была отмечена высокими дипломами, как и обмеры памятников архитектуры Киргизии.

Следует заметить, что в предвоенный период существовало так называемое «бумажное» проектирование. К этому было много причин, но и сами архитекторы порой не учитывали слабого состояния материально-технической базы нашего строительства.

Общеизвестно, что до войны главным строительным материалом, к примеру, в сельском строительстве были саман — сырцовый кирпич — и дерево. Жженный кирпич применялся в очень ограниченных количествах, весьма «экономно» использовались железобетон, металл, стекло и даже гвозди, совершенно исключались мрамор, гранит и другие естественные долговечные материалы.

Как правило, в зданиях для села, а также для периферии (будь то город или поселок городского типа) предусматривались печное отопление, электрическое освещение и — редко — водопровод. Строительство велось в основном вручную, механизация едва-едва зарождалась, что накладывало свой отпечаток на архитектуру.

В то время архитекторы отдавали много сил созданию проектов школьных, больничных, торговых, культурно-просветительных, производственных и других зданий и сооружений для сельской местности. В 1940 году по проекту В. Е. Нусова была построена деревянная пристань у Койсары на Иссык-Куле. К слову, этот проект был удостоен диплома выставки в Москве во время первой Декады киргизской литературы и искусства.

«Киргоспроект» перед войной усиленно занимался составлением городских генеральных планов. Так, в 1938—1940 годах разрабатывается схема генерального плана города Фрунзе и генеральных планов для областных городов

республики. Во исполнение их по проекту архитектора В. Е. Нусова построены двухэтажные здания облисполкомов в Оше, Пржевальске, Джалал-Абаде и Таласе.

В 1938—1941 годах архитектура Киргизии развивалась, широко отражая местные особенности, используя традиции народного искусства, главным образом орнаментов, а также достижения среднеазиатского зодчества, учитывая климатические условия и этнографию народа. Одновременно в творчестве архитекторов находило отражение богатое наследие русского, советского и зодчества эпохи Возрождения. Конкретно это выражалось в том, что в проектах предусматривались дворики, террасы, лоджии, балконы, плоские кровли, озеленение и беседки. В декоре зданий и сооружений применялся творчески переработанный киргизский орнамент в виде сграффито или фресок. Выполнялись из ганча и бетона орнаментированные плитки.

В это же время создавались альбомы киргизского народного орнамента, в которых делалась попытка представить оригинальные архитектурные формы и мотивы. В высшей степени заинтересованно относился к этой работе архитектор В. Е. Нусов, большой поклонник истории. Оригинально выполнены В. Е. Нусовым проекты трех типов трехэтажных студенческих общежитий, гостиницы, семилетних и средних одноэтажных школ, в которых отражается национальный колорит, а в объемно-планировочных решениях чувствуется зрелый профессионализм и хороший вкус.

В целом творчество киргизских архитекторов получало заслуженное одобрение, и это вдохновляло, намечались большие планы на будущее, однако их не довелось претворить в жизнь, потому что началась Великая Отечественная война. В. Е. Нусова она застала на курсах повышения квалификации в Ленинграде.

Из воспоминаний В. Е. Нусова. Мы узнали о вероломном нападении гитлеровских войск на нашу страну на отдыхе в Павловском парке. Сразу показалось, что все вокруг, даже воздух, наполнилось тревогой и грустью. С большим трудом удалось приобрести железнодорожные билеты.

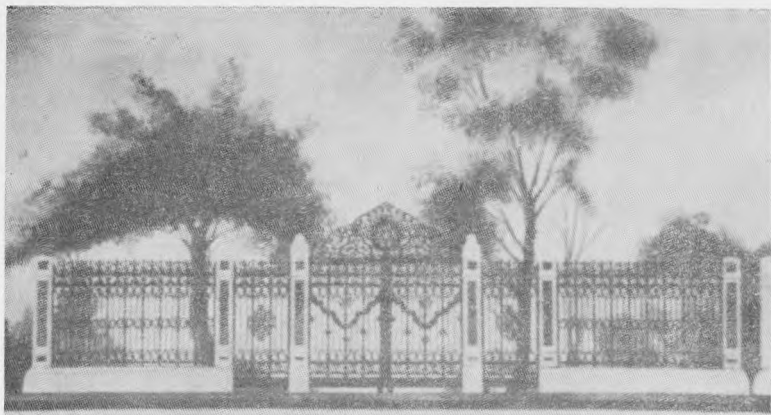
24 июня, под вечер, я покинул Ленинград, над которым нависли аэростаты противовоздушной обороны. Целых две долгих и мучительных недели я добирался домой. Война дала о себе знать сразу же под Москвой: в нашем поезде появились эвакуированные жители из западных районов страны. Навстречу нашему поезду шли и шли воинские эшелоны.

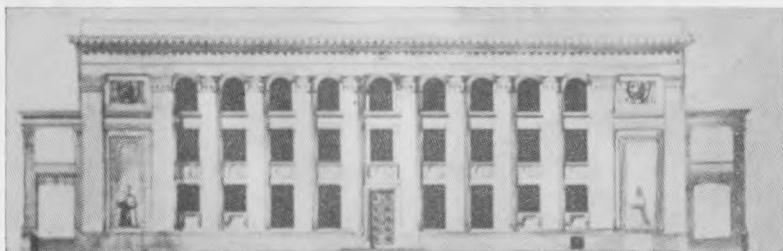
В. Е. Нусов — студент
архитектурного факульте-
та Высшего художест-
венного-технического
института.
1930 год.

На войне. 1942 год.

Проект ограды парка Дворца пионеров. 1947 год.

Конкурсный проект здания библиотеки им. Н. Г. Чернышевского (Фрунзе). 1949—1950 годы.

Проект здания библиотеки им. Н. Г. Чернышевского (Фрунзе). 1952—1953 годы.

Проект конюшни для ипподрома (Фрунзе). 1952—1953 год.

• Трибуны ипподрома. Западный фасад. 1953 год.

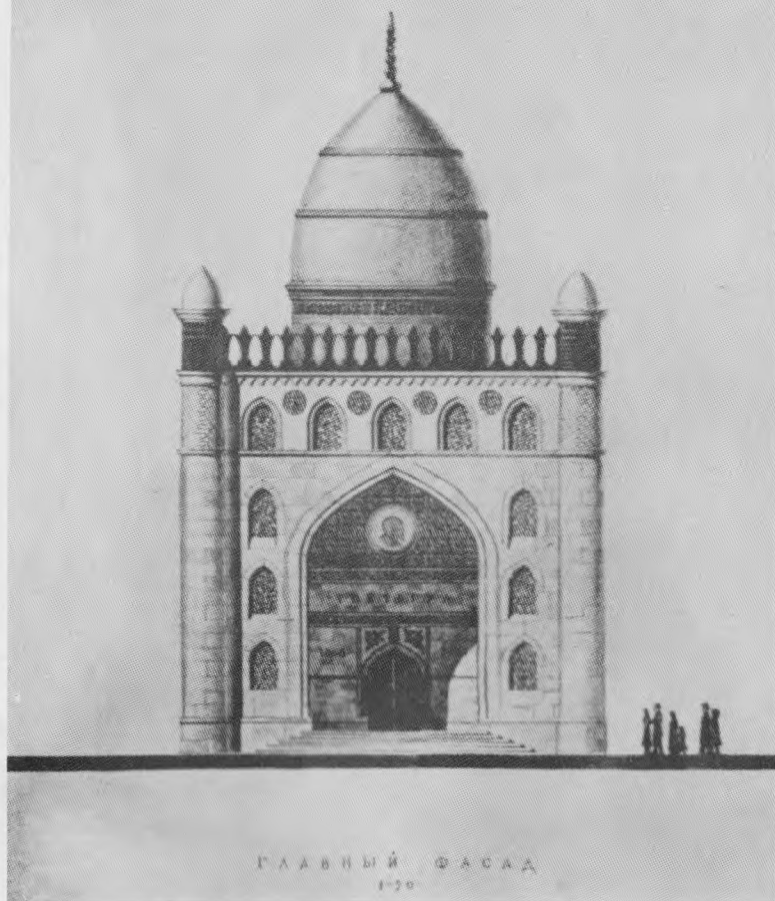

Трибуны ипподрома. Восточный фасад. 1953 год.

Здание Министерства сельского хозяйства Киргизской ССР. 1956 год.

ПРОЕКТ МАВЗОЛЕЯ ТОКТОГУЛУ

Конкурсный проект мавзолея Токтогулу. Главный фасад (первый вариант). 1953 год.

За работой. 1957 год.

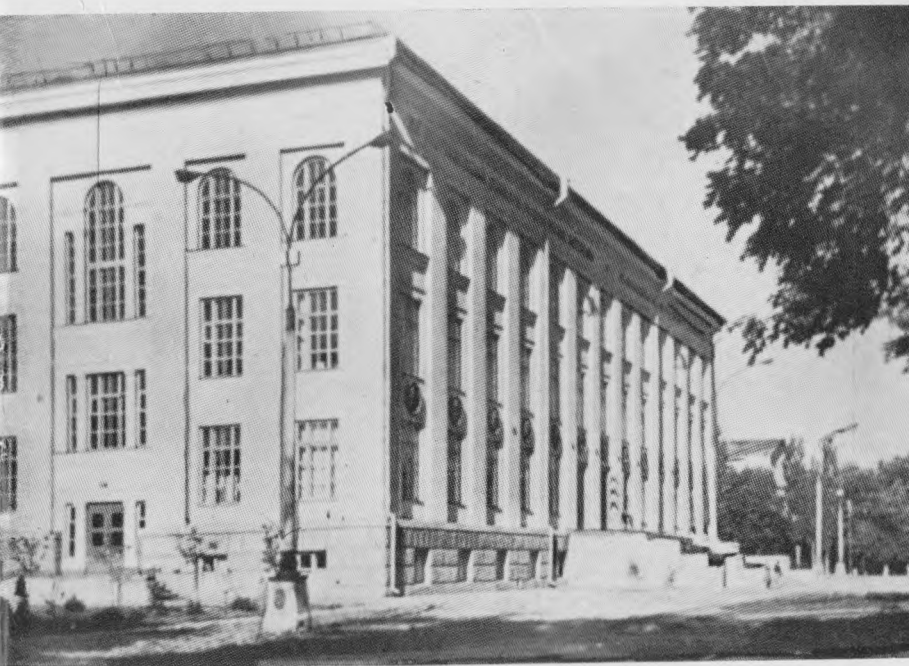

Здание педагогического института в городе Оше. 1960 год.

На II съезде архитекторов СССР, Москва. 1955 год.

На праздничной демонстрации 1 Мая, Фрунзе. 1961 год.

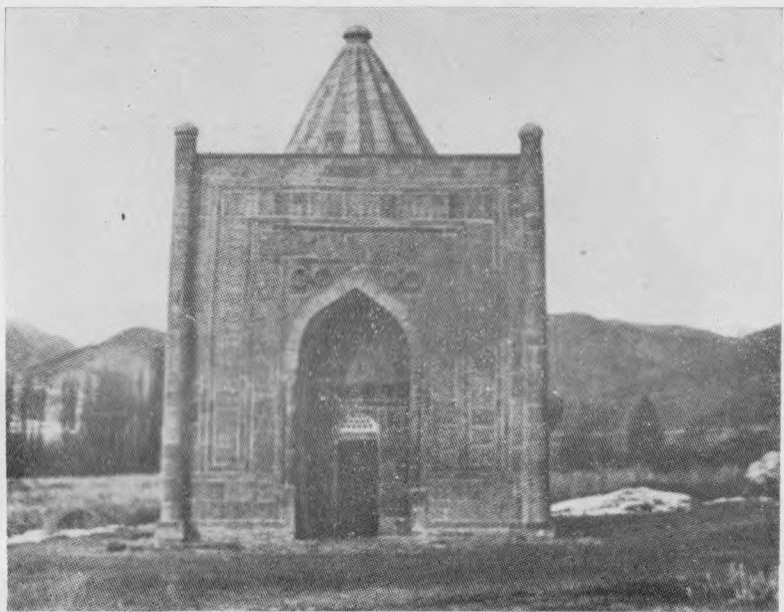

Здание библиотеки им. Н. Г. Чернышевского. 1962 год.

Караван-сарай Таш-Рабат. Главный фасад. 1960 год.

У стен Таш-Рабата. 1961 год.

Гумбез Манаса. Восточный фасад (до реставрации). 1968 год.

Гумбез Манаса (после реставрации). 1970 год.

Архитектурный комплекс мавзолея Шах-Фазиль (Гулистан).
1968 год.

Мавзолей Шах-Фазиля
(южный разрез).
1970 год.

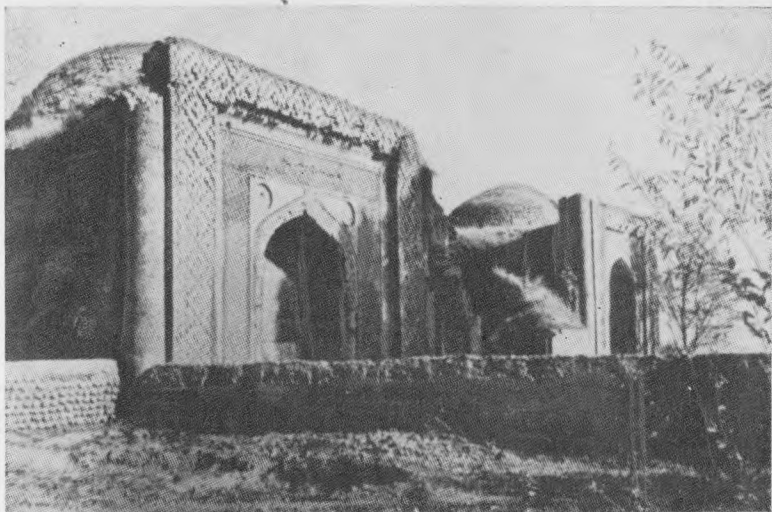
ЮЖНЫЙ РАЗРЕЗ

Башня Бурана (до реставрации). 1961 год.

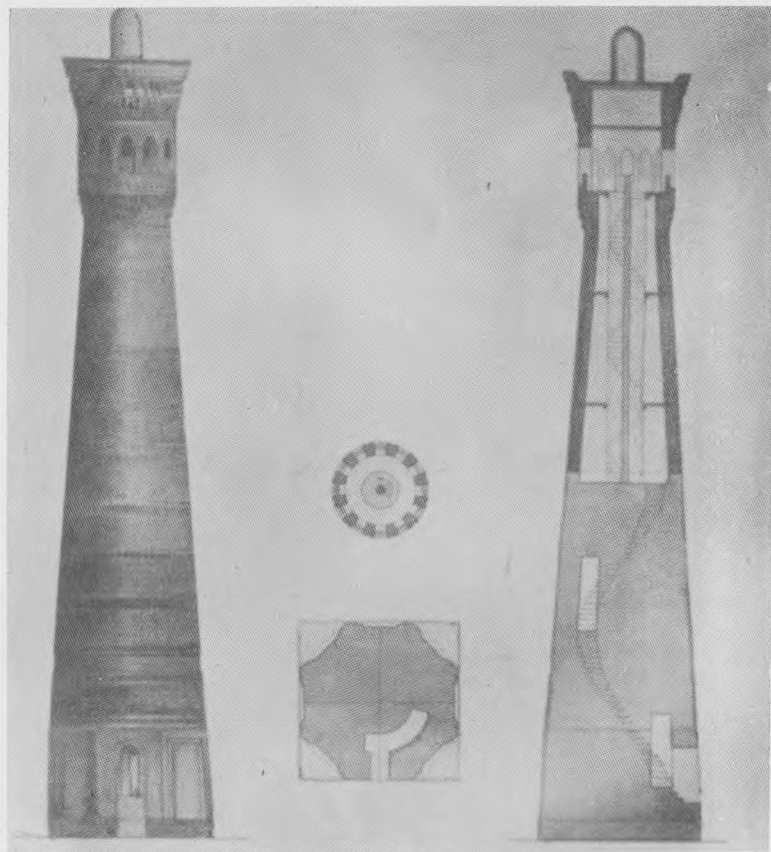
Башня Бурана (после реставрации). 1974 год.

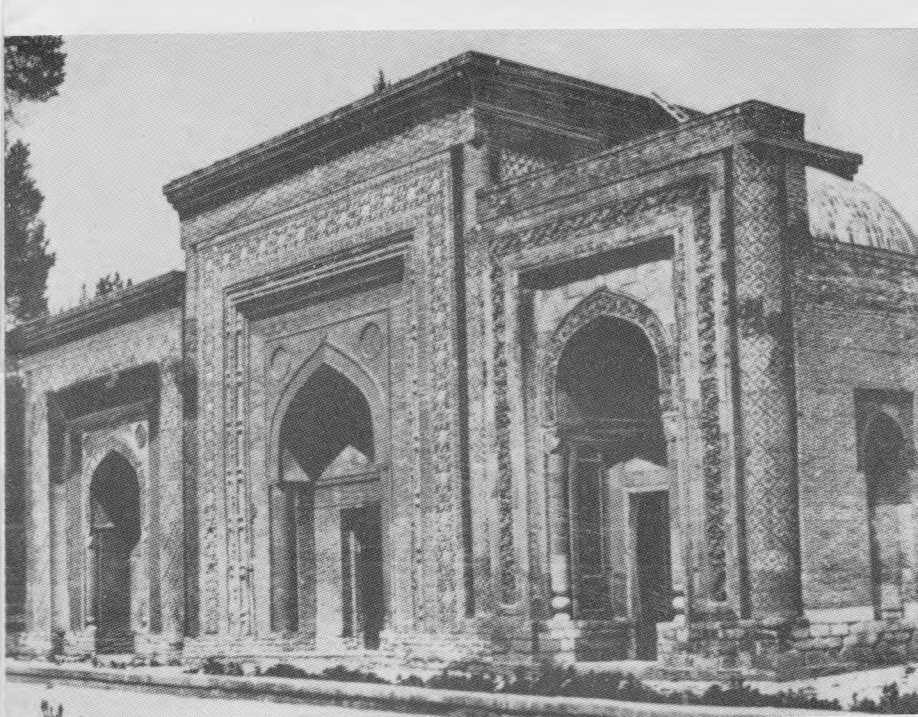
Узгенский архитектурный комплекс. Вид на мавзолеи с северо-запада
(до реставрации). 1968 год.

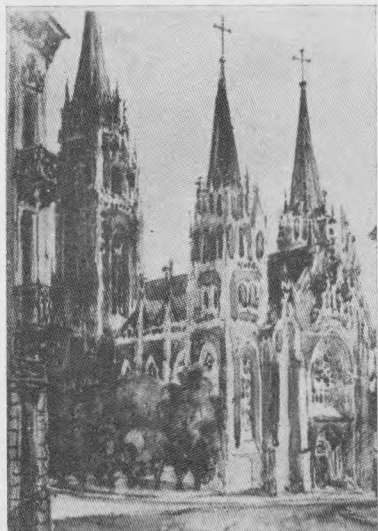
Минарет XI в. (Узгенский
архитектурный комплекс.
До реставрации). 1968 год.

Проект реставрации минарета (Узгенский архитектурный комплекс).
1980 год.

Узгенский архитектурный комплекс (после реставрации). 1980 год.

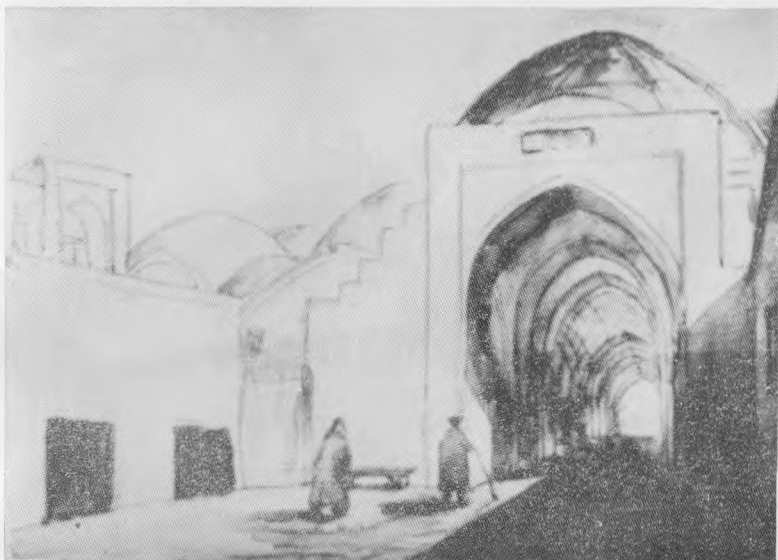
Готический костел XIX в. (акварель). Львов. 1968 год.

Старая площадь (акварель).
Львов. 1968 год.

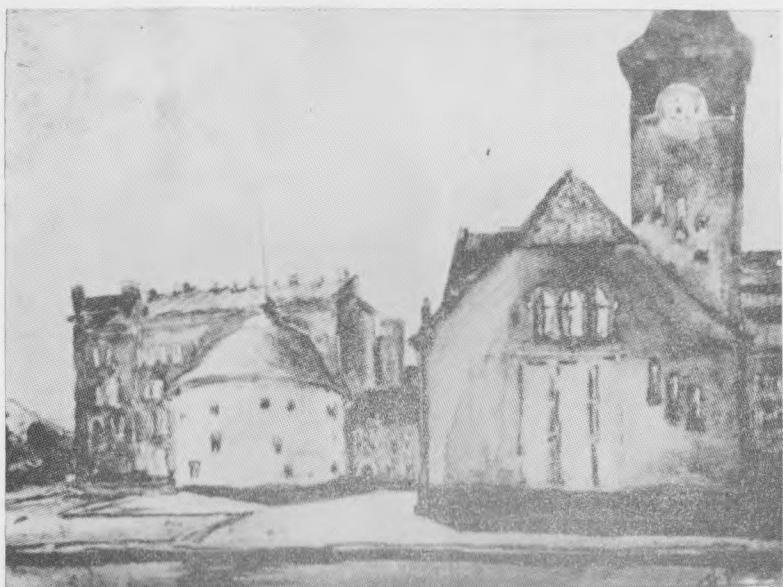

Центр старого села (акварель). Львовская область. 1968 год.

Город Белозерск (перо). 1972 год.

Старая Бухара (акварель). 1977 год.

Город Выборг. Старая площадь (акварель). 1979 год.

Суханово (Подмосковье). Мост в парке (акварель). 1980 год.

В Куйбышеве всех пассажиров пересаживали в товарняк, который малой скоростью, с долгими остановками все же привез нас в Пишпек.

Наступило время грозных испытаний.

Меня и моего коллегу В. Г. Коновалова отправили на обмеры узгенских памятников старины: всемирно известного архитектурного ансамбля, который состоит из трех мавзолеев и минарета, возведенных в XI—XII веках в эпоху Караханидов и дающих почти идеальную характеристику развития зодчества в Средней Азии чуть ли не за двести лет.

Почти два месяца мы проводили первый и полный архитектурный обмер и фиксацию этого уникальнейшего архитектурного ансамбля. Рядом с ним находился Узгенский военкомат. Возле него ежедневно собиралась огромная толпа: шла мобилизация в армию. До нас доносились женский плач, развеселые звуки гармошки, песни и резкие слова команды: — Становись!.. Равняйся!.. Смирно!..

Эти слова подгоняли нас, заставляли работать с утроенной энергией. Со своим заданием мы справились досрочно и на неделю раньше срока возвратились во Фрунзе. Несколько моих товарищей уже воевали. Я ждал своей очереди.

Осенью 1941 года во Фрунзе прибыли специалисты из Москвы, Ленинграда, Донбасса, Киева, других городов, расположенных в западной части страны. Они тут же включились в работу по проектированию упрощенных заводских цехов, жилых домов и других зданий для размещения людей, станков эвакуированных в Киргизию предприятий.

Проектирование и строительство велись ускоренными темпами, так как обстановка была очень сложной. Каждый архитектор, инженер, чертёжник, строитель работал за двоих, заменяя тех, кто ушёл на фронт. В выходные дни мы строили Большой Чуйский канал...

В ноябре 1942 года архитектор В. Е. Нусов был мобилизован в действующую армию. После краткосрочных курсов он получил звание младшего лейтенанта и был направлен в 56-ю армию, которая тогда находилась в составе Северо-Кавказского фронта.

Свою боевую службу он начал в должности заместителя командира минометной роты в 903 горнострел-

ковом полку, а свой боевой путь — со станицы Холмской на Кубани и закончил 16 мая 1946 года в Судетской Чехословакии.

Киргизия стала второй родиной. В звании старшего лейтенанта В. Е. Нусов в 1946 году возвратился сюда с надеждой работать и творить.

Развитие архитектуры в послевоенное время представляет собой чрезвычайно сложный процесс в истории зодчества СССР, поэтому стоит несколько подробнее остановиться на нём. Перед страной тогда стояла очень важная задача — в короткий срок восстановить разрушенные города и села, заводы и фабрики, колхозы и совхозы.

Никогда ещё архитекторам и строителям нашей страны не приходилось творить в такой напряженной обстановке. Резко сократилось число «бумажных» проектов: многое из задуманного в короткие сроки воплощалось в общественные здания, жилые дома и другие реальные объекты.

Хотя Киргизстан непосредственно не подвергался бомбежкам, война отрицательно отразилась на экономике республики, в том числе на развитии архитектуры и строительства. Встала срочная необходимость реконструкции городов, массового строительства жилых домов и культурно-бытовых зданий в городах и посёлках.

Партия и правительство ориентировали архитекторов на экономное использование государственных средств, на типовое проектирование, поиски нового, связанного с сокращением сроков строительства, применением техники, передовой технологии, созданием новых конструкций и материалов — более экономичных и прочных.

Повсюду в стране невиданными раньше темпами возводились школы, техникумы, институты, лечебные, административные и культурно-просветительные учреждения, создавались архитектурные ансамбли на городских площадях.

Все архитекторы, проектировщики работали самоотверженно, до минимума сокращая время на отдых и сон. Зодчим приходилось заниматься не только проектированием промышленных и гражданских зданий, но и градостроением, а также памятниками прошлого, чтобы сохранить их для потомков.

В те годы В. Е. Нусовым и его коллегами были разработаны проекты реставрации и консервации сооружений, которые имели большое историческое, культурное и художественное значение. Такая колоссальная по объёму и

юбилейная по исполнению работа была выполнена в установленные сроки и качественно. Этот этап в жизни Владимира Ефимовича Нусова был самым плодотворным, успешным и счастливым, так как выполняемые им проекты в большинстве своём осуществлялись в натуре.

Мы работали в одной мастерской, сидели за чѣртѣжными досками бок о бок. Помнится, выходных Нусов не признавал. Лучшим отдыхом он считал смену занятий: в воскресенье его, как правило, можно было видеть на строительных лесах, в мастерской лепщиков или возле реставрируемых памятников. Любил часами проводить время за чѣртежной доской, настойчиво отыскивая лучшие варианты архитектурных решений.

Из воспоминаний В. Е. Нусова. В 1948—1949 годах я разрабатывал генеральный план города Оша. Этот город, как известно, является самым древним крупным поселением на юге Киргизии. План переустройства города был рассчитан на 15—20 лет. Чтобы собрать необходимые данные, изучить местность, прикинуть размеры и формы вторжения нового в этот старинный город, почти два месяца ходил по его центральным улицам, узким и кривым переулкам.

Нужно было не только представить, но и «рассчитать» будущее Оша в целом, а также его частей, кварталов, площадей, главных улиц и магистралей, ансамблей, основных зданий и сооружений, то есть все то, что обычно формирует городское поселение.

Все знают, что город создаётся не в одно мгновение, поэтому в проекте нужно было предусмотреть очередность застройки, архитектурное благоустройство и инженерное оборудование. К реконструкции города надо было относиться как к одной из сложнейших архитектурных проблем потому, что типичную средневековую структуру следовало решительно менять, ибо использовать её было просто невозможно: транспорт, инженерные сети, являясь основной инфраструктурой, не могли вписаться в старые формы планировки.

В разработанном генеральном плане города Оша была заложена современная система магистралей, улиц, площадей, кварталов и микрорайонов.

Проект современного города создаётся большим коллективом самых разных специалистов, однако ведущая роль в придании генеральному плану це-

лостности, гармоничности принадлежит, несомненно, архитектору.

С большим удовольствием работалось над проектом генерального плана города Таласа, в основу которого были положены проведенные мной исследования. Разработанный с перспективой на 20 лет, он был утвержден Советом Министров Киргизской ССР.

По этому плану создана центральная площадь с широкой эспандой в сторону реки Талас, которая завершалась Домом культуры. Были заложены также две перпендикулярные друг другу улицы. Планировочная сетка таласских улиц, в основном магистральных, сохранилась как более прогрессивная. Замечу, что данная уличная система введена в городах Киргизии военными топографами еще в конце второй половины XIX века.

Теперь этот город — одно из красивейших поселений Таласской долины, а река Талас с ее многочисленными рукавами и руслами, которые заросли деревьями и кустарниками, является любимым местом отдыха трудящихся.

В 50-х годах с увлечением работал над генеральными планами древнего города Узгена и районного центра Ново-Алексеевки, что рядом с Таласом.

После войны большое внимание уделялось застройке и реконструкции столицы Киргизии, в чем, надо заметить, чувствовалась крайняя необходимость: Фрунзе был городом глинобитных кварталчиков с редким вкраплением капитальных зданий. Улицы не отличались благоустройством, в зачаточном состоянии находились канализация и централизованное отопление.

Первые автобусные маршруты в городе появились во второй половине 40-х годов, а троллейбус пущен в мае 1952 года.

Нужен был новый генеральный план, и московский «Горстройпроект» в 1948 году приступил к его проектированию. Буквально с первых послевоенных лет столица Киргизской ССР оделась в строительные леса, стала преображаться прямо на глазах. Формировались архитектурные ансамбли — Советская и Театральная, Вокзальная и Университетская площади. Не единицами, а целыми кварталами возводились жилые дома, получали истинно городской облик многие улицы города.

Вместе с городом Фрунзе меняли свой облик другие города республики, а такие новые города, как Майли-Сай, Кара-Балта, создавались по единому архитектурному решению. Большими достижениями характеризовалась реконструкция города Оша. В ряде городов возводились крупные общественные здания, которые придавали им выразительный архитектурный облик.

Зодчие проектировали здания в характерном для того времени псевдоклассическом стиле. И теперь, когда уже в архитектуре произошла значительная переоценка ценностей, мы можем с удовлетворением отметить, что, несмотря на ограниченные возможности строительства, был создан ряд архитектурных ансамблей, построены здания, которые не потеряли привлекательности и по сегодняшний день, потому что им характерна масштабность, разумные пропорции, четкий ритм элементов и тщательная проработка всех задуманных архитектором деталей.

По проектам архитектора В. Е. Нусова в первой половине 50-х годов построены трибуны ипподрома на 3000 зрителей, Дворец пионеров, три двухэтажных жилых дома, несколько административных зданий — Министерство сельского хозяйства, педагогический институт в Оше, ряд сооружений малых архитектурных форм в садах и парках столицы республики. Наряду с основной творческой работой В. Е. Нусов был активным общественником, неоднократно избирался членом правления Союза архитекторов Киргизии. В 1955 году он стал членом Коммунистической партии Советского Союза.

Из воспоминаний В. Е. Нусова. В 1951 году по моему проекту был построен во Фрунзе Дворец пионеров, внешний образ которого навеян изящной архитектурой ленинградских парков. Объемно-пространственное решение подразумевало восприятие сооружения как скульптурного произведения, то есть с четырех сторон. Фасады не повторялись, но в то же время представляли собой одно целое.

Центром композиции интерьера являлся колонный зал, к которому вела через вестибюль трехметровая лестница. С сожалением отмечаю, что внесенные во время строительства, а затем в процессе эксплуатации изменения очень исказили внешний и внутренний облик дворца.

Огромное удовлетворение получил во время работы над проектом трибун Фрунзенского ипподрома, которые были построены в первой половине 50-х годов. Широкое и ровное поле по ассоциации вызывало в памяти сооружения подобного рода в Древнем Риме. Растягивать трибуны по всему контуру скачек не было необходимости, потому что их вместимость ограничивалась всего тремя тысячами зрителей.

Монументальными рядами арок удалось, на мой взгляд, выразить движение и величие сооружения, а также создать впечатление, что за его фасадом происходят важные события. Трибуны обращены на восток, перед ними раскинулось поле-ристалище для скачек и конноспортивных игр.

Архитектурное решение здания Министерства сельского хозяйства Киргизской ССР было продиктовано заложенным в генеральном плане обликом Советской площади. Оно было возведено в середине 50-х годов, в период борьбы с декоративизмом и излишествами в архитектуре и строительстве, что сказалось на общем облике этого сооружения.

Для создания проекта публичной государственной библиотеки им. Н. Г. Чернышевского потребовалось несколько лет, но время было потрачено не даром, так как на республиканском конкурсе мой труд был отмечен премией. Назначение дворца книги как хранилища золотого фонда человеческой духовной культуры подчеркивали строгость архитектуры, монументальность и значительность здания.

Примерно в этот же период мне было поручено проектирование здания Ошского педагогического института. Когда строительство его было завершено, радости моей не было предела, потому что воплотился в жизнь один из интереснейших моих творческих замыслов — ансамбль центральной площади в Оше. Здание педагогического института стало естественным центром всего архитектурного комплекса, возведенного на фоне горы Сулеймана и открытого в сторону реки Ак-Буры.

Значительной для меня была и работа над проектом пионерского лагеря в Ала-Арчинском ущелье. Примечательно, что в этом проекте хорошо увязаны архитектурные формы с природой.

В то же время — в 1946—1955 годы — я осуществлял руководство тремя экспедициями по изучению

мавзолея Манаса и ряда других памятников в республике. На основании этих исследований и обмеров разработаны проекты их консервации, реставрации и реконструкции.

Во второй половине 50-х годов происходит коренной перелом в архитектурной практике и науке, начинается новый этап в развитии советской архитектуры.

У нас продолжали строить еще по проектам первой половины 50-х годов. Одновременно сдавались в эксплуатацию здания, построенные в духе новой архитектуры.

Состоявшийся в мае 1959 года V съезд Союза архитекторов Киргизии констатировал, в частности, что развитие индустриального строительства, превращение строительного производства в механизированный, поточный процесс сборки и монтажа зданий и сооружений из крупноразмерных элементов и узлов, изготовленных на заводах, развитие промышленности строительных материалов и конструкций ведёт к сокращению сроков строительства, снижает стоимость и улучшает качество строительно-монтажных работ.

Все это настоятельно требовало пересмотра целого ряда архитектурных позиций, именно тех из них, которые стали тормозом для зодчества, наиболее полно соответствующего духу времени и запросам народа.

Коренной переворот в творчестве киргизских архитекторов проходил нелегко. Выработка новых норм и установок повлекла за собой серьезные изменения в сознании и психологии как зодчих, так и строителей, в самой сути творческого процесса. Этот период характерен еще и тем, что большинство объектов возводилось по проектам, которые разрабатывались в соответствии с новыми, более экономичными требованиями. Однообразные по своей архитектурной выразительности решения проектов оставили в городах и поселках Киргизии множество жилых кварталов и микрорайонов, явившихся результатом жесткой экономики и необходимости срочного обеспечения населения жильем.

В. Е. Нусов отдал дань этому направлению, значительное внимание уделяя проектированию промышленных зданий и сооружений. К примеру, в 1962 году по его проекту была построена четырехэтажная фабрика индивидуального пошива одежды во Фрунзе.

Растущие темпы и объемы строительства поставили в повестку дня проблему подготовки архитекторов и инжене-

ров-строителей. Во Фрунзенском политехническом институте создается архитектурно-строительный факультет, и В. Е. Нусова приглашают на педагогическую работу.

Являясь старшим преподавателем, доцентом кафедры архитектуры, он стремится передать студентам не только знания в архитектуре, опыт зодчего; но и любовь к своей профессии. На факультете ему довелось преподавать два предмета: проектирование и историю архитектуры. Надо сказать, что молодежь с большим интересом посещала его лекции, которые отличались глубиной, широким размахом эрудиции.

Из воспоминаний В. Е. Нусова. К 1956 году, то есть к моменту перехода в политехнический институт, за моими плечами остались более двух десятков лет работы архитектором. Это немаловажное обстоятельство стало решающим в перемене жизненного курса: мне показалось, что в качестве преподавателя, наставника молодежи я принесу больше пользы зодчеству, а значит, и людям, и обществу.

Так начался новый этап в моей жизни, связанный с педагогической деятельностью и научной работой.

Едва я оказался в институте, в гуще студентов, то с волнением вспомнил свою молодость, Ленинград, своих товарищей и преподавателей. На какой-то миг даже показалось, что вернулись мои студенческие годы, что на плечи не давит груз прожитых лет, и я такой же молодой, как вот этот паренек, внимательно прислушивающийся к моим словам. Но — увы! — время необратимо, к сожалению...

Студентами мы любили, когда преподаватели излагали материал ясным, понятным языком, сопровождая свой рассказ фактическими примерами из практики, из жизни. Я и мои друзья искренне уважали тех из них, которые одновременно активно занимались и творческой деятельностью. Я стремился привить эту черту и своим воспитанникам. Говорил им, что если они будут равнодушно взирать на мир, который их окружает, то, несомненно, потеряют что-то весьма важное, жизненно необходимое, которое с годами невозможно восстановить.

Конечно, быть преподавателем высшего учебного заведения — дело нелегкое, хлопотное, однако огромную радость доставляло сознание того, что в воспитании молодого поколения зодчих есть доля и твоего труда. Отмечу не без гордости: на всесоюзных вы-

ставках дипломных проектов питомцы Фрунзенского политехнического института ежегодно получали высокие оценки, работы выпускников нашего факультета неоднократно ставились в ряд лучших в стране.

Современная студенческая молодежь намного образованнее, чем в пору моей молодости, поэтому вузовский преподаватель должен в совершенстве знать не только свою профессию, но и иметь значительные познания в других областях науки и техники.

Если попытаться проследить творческое напряжение В. Е. Нусова в эти годы, то увидим титанический труд: он преподает в институте, параллельно ведет проектирование, сидит допоздна за чертежами, делает расчеты, серьезно занимается изучением и реставрацией памятников культуры и архитектуры Средней Азии.

На лекциях по всеобщей истории архитектуры он самозабвенно раскрывает перед студентами обилие проблем в зодчестве — искусства, сыгравшего большую роль в материальной и духовной жизни народов мира.

На примерах выдающихся памятников архитектуры он подчеркивает красоту и значимость национальных черт зодчества, а также общечеловечность талантливых произведений. Он прививает студентам истинный вкус, тонко и своеобразно подводит их к тому, почему каждое без исключения здание должно быть удобно, прочно, красиво.

Известно, что курс всеобщей истории архитектуры — предмет острый в идейном отношении, потому что зодчество всегда, во все века отражало интересы определенного класса, носило ярко выраженный классовый характер. Архитектура и градостроительство — это зеркало общественного строя, уровня его экономического и культурного развития.

Зодчество в процессе своего развития всегда старалось использовать все лучшее из мирового опыта, стремилось к взаимообогащению, и чем ближе к нам по времени, этот процесс происходил все более активно: архитектура разных стран не может развиваться изолированно, у нее есть общие черты, каким бы ни был общественный строй государства, в котором живет архитектор. Однако к классике и современному архитектурному опыту необходимо относиться избирательно, критически.

В. Е. Нусов учил своих воспитанников тому, что советская архитектура основывается на тех же самых принципах, что и в целом все наше советское искусство, социа-

листическое по содержанию и национальное по форме. Главное состоит в том, что зодчество должно отвечать потребностям развития государства и общества, запросам советского народа.

Из воспоминаний В. Е. Нусова. Чтобы быть хорошим архитектором, помимо таланта, надо помнить, что в основе всех творческих успехов лежит самоотверженный труд и бесконечная любовь к архитектуре.

Архитектор обязан быть широко образованным человеком: философом, чтобы понять природу архитектуры; политиком, чтобы объяснить место и значение архитектуры в системе общества и государства; дипломатом, чтобы защищать идеи, которые он заложил в своем произведении.

При защите проекта архитектор должен помнить: заказчик и он обоюдно заинтересованы в том, чтобы достойно выразить интересы государства.

Архитектор должен обладать качествами ученого-аналитика и постоянно подвергать суровому анализу не только собственное творчество, но и творчество своих коллег. Самостоятельность мышления необходима зодчему для того, чтобы найти зерна истины в прошлом и настоящем, обобщить их и создать произведение для будущего, потому что архитектура — это не только настоящее, но и, главным образом, наше будущее.

У архитектора должен быть высокий художественный вкус — качество, данное не только природой, но и приобретенное в процессе неутомимого изучения архитектурного наследия, освоения опыта своих современников, других близких к зодчеству видов искусства, а также музыки, математики и техники.

Архитектор обязан много рисовать, потому что это занятие, как никакое другое, развивает чувство формы, объема и пропорций. Он должен быть живописцем, так как живопись воспитывает правильное восприятие цвета и света; вырабатывает необходимые качества художественного вкуса.

Если бы я не стал архитектором, то, по всей вероятности, стал бы художником-графиком. Я не мыслю себе дня без занятий живописью или рисунком. В моих запасниках находятся сотни рисунков и акварелей памятников архитектуры Средней Азии, России, Прибалтики, Закавказья, Украины, а также множество этюдов, написанных во время путешеств-

вий по Волге, Оби, Енисею, Ангаре, Лене, Дальнему Востоку и т. д.

Самолетом и поездом, теплоходом и автобусом, пешком и на лошади я ежегодно вот уже на протяжении нескольких десятков лет путешествую по родной стране. Мне посчастливилось видеть памятники архитектуры Самарканда и Бухары, Хивы и Ургенча, Ленинграда и Москвы, Владимира и Суздаля, Пскова и Новгорода, Киева и городов Западной Украины, Прибалтики, Карелии и Закавказья.

Этюдник, кисти, краски, карандаши и перо всегда были моими желанными спутниками. Без этого я просто не мыслю своей жизни, своего творчества.

В первых своих поездках (1956—1958 годы) мне удалось побывать в центральной части России. Результат — десятки акварельных рисунков и карандашных зарисовок. Не открою ничего нового, если скажу, что русская архитектура притягивает, поражает своей красочностью, живописностью, сказочностью стройных форм. Я был настолько очарован, что в некоторых городах, таких как Псков, Новгород, Владимир и Суздаль, бывал по два-три раза. Подолгу задерживался я на Соловецких островах и на острове Кижи, что на Онежском озере, в Белозерске, Кириллове и в селе Ферапонтово на Вологодчине. Росписи Дионисия на стенах Ферапонтова монастыря настолько поразили мое воображение, что, кажется, остались в памяти на всю оставшуюся жизнь.

В 1960 году я ездил в Киев, а затем путешествовал по Западной Украине. Древнюю часть города, начиная от Собора Софии и Андреевской церкви до Киевско-Печерской лавры, несколько раз прошел пешком, с благоговением вглядываясь в ажурную вязь памятников архитектуры. Во Львове не переставал любоваться старинными улицами, площадями и интерьерами великолепных соборов. В Прикарпатье и Закарпатье думалось так: если есть на земле рай, то ему самое место здесь, в этих чудных горах.

В Азербайджан, Армению и Грузию я попал в прекрасную осеннюю пору 1961 года. Солнечные улыбки женщин, яркие фрукты, шумные городские базары, удивительная архитектура, которую я знал ранее только по книгам, поразили до глубины души.

Я побывал в Баку, Ереване, Тбилиси, Мцхете, Кутаиси, дважды переходил Кавказский хребет по Во-

енно-Грузинской дороге, полный восторга от величия природы, уникальности местных архитектурных форм как древних, старинных, так и современных,— и все это великолепие рисовал и рисовал, чтобы не забыть, не растерять неповторимости картин природы и архитектурных памятников. По-моему, архитектура Армении есть единственное в своем роде явление в зодчестве народов мира: голубизна поверхности озера Севан, строгость и вместе с тем мягкая лиричность сооружений создают оригинальные ансамбли, в которых природа играет немалую роль.

В 60-х годах я путешествовал по городам Прибалтики. Мое знакомство с архитектурой этого живописного края состоялось в Вильнюсе, Риге и Таллине. Каждый из этих городов имеет свое неповторимое лицо, каждый по-своему прекрасен, и в то же время в их облике много общего.

Когда работал над одной из глав для своей книги «Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней», то объездил все города нашей республики. Это почти двухмесячное путешествие было в высшей степени интересно и полезно. Непосредственные впечатления, знакомство с соответствующей литературой, чертежами и планами позволили сосредоточить в книге весьма обстоятельные сведения о городских поселениях горного края.

Поездки убедили меня еще в одном: архитектор должен расширять знания о своей стране не только по рассказам бывалых людей, и не только через литературу — а главным образом, через личное изучение нашей Родины. Это знакомство дает возможность воочию убедиться в бескрайности любимой Отчизны, в том, насколько прочны твои связи с народом, наконец, путешествия обязательно укрепят в вашей душе высокие чувства патриотизма, помогут глубже понять свое предназначение как художника, архитектора, уяснить, что еще не сделано и что еще можно сделать для общества.

В 1970 году я решился на грандиозное предприятие — путешествие от Красноярска до Дудинки по Енисею. Величием этой легендарной реки я был ошеломлен в буквальном смысле этого слова. Был и в Норильске, куда небольшой паровозик с черепашьей скоростью тащил нас по колее, проложенной среди болот в тундре. Когда же, мы, туристы, высыпали на

перрон то, к нашему удивлению, оказалось, что Норильск — это многоэтажный, совершенно современный город с широкими проспектами и многоэтажными зданиями.

Дома Норильска стоят не на фундаменте, а держатся на столбах, вбитых в слой вечной мерзлоты. Это простое приспособление не дает подтаивать земле под домами, и они без видимого напряжения выдерживают все нагрузки.

Два дня я с огромным интересом разглядывал этот необычный город, один из самых полярных городов мира, город шахтеров, город — добытчик редких металлов.

Был я и в деревянном селеньице Шушенском, которое, как известно, теперь стало музеем, связанным с именем Владимира Ильича Ленина. Ходил я по селу, стараясь избегать шумные туристские компании, чтобы в одиночестве прикоснуться к памяти великого вождя.

По пути из Красноярска, ранним утром, видел непроходимую тайгу, которая не оставляла нас до самого Братска и его знаменитой на весь мир, величественной гидроэлектростанции. Мне уже приходилось бывать на берегах Ангары, у Братска, осенью 1945 года. Подумалось: вот-вот увижу знакомые места, но водохранилище перед Братской ГЭС неузнаваемо изменило окрестные ландшафты.

Путешествовал я и по озеру Байкал и по Лене. Не знаю, какая река красивей — Енисей или Лена, но пейзаж на подходе к порту Усть-Кут, что стоит на Лене, был настолько величавым, что до сих пор помню это сумеречное утро в непроницаемой стене елового леса.

Когда стала редеть туманная мгла и сквозь нее пробился луч солнца, поднялся над лесом несказанный какой-то свет, все вокруг показалось волшебной сказкой, от которой нельзя было отвести глаз...

Город Якутск резко делится на две части: старую, с закопченными одноэтажными домиками, и новую, с многоэтажной застройкой и асфальтом.

Был и в Магадане. И, так сказать, на собственном опыте убедился в громадной силе моря, наблюдал приливы и отливы, во время которых вода то плескалась у самых ног, то уходила от берега более, чем на километр.

Небольшие заливы Охотского моря имеют причудливые очертания. Высокие дикие скалы, поднимающиеся прямо со дна моря, делают ландшафт поразительно прекрасным, неповторимым. Невесть откуда поднимается и наступает на берег туман, то вдруг мгла исчезает и видишь, как по поверхности моря бродят бесшумные волны, то хлынет дождь, то сверкнет солнечный луч.

Мой дальнейший путь лежал через Охотское и Японское моря к Находке, а по суше — автобусом и поездом — до Владивостока и Новосибирска. Шел пароходом по Оби от Новосибирска до Салехарда, был в Воркуте, в поселке Амдерма на берегу Карского моря. Я убежден, что люди, которые живут в том поселке, совершают подвиг, потому что холод, вечная мерзлота, долгие полярные ночи, бездорожье превращают каждый их день в борьбу. Но скажу откровенно, если бы появилась возможность скинуть несколько десятков лет, то я бы, не задумываясь ни на минуту, разделил свою судьбу с судьбой этого небольшого поселка.

Свое путешествие я закончил на Соловецких островах...

В 1975 году мне посчастливилось в составе группы советских архитекторов познакомиться с памятниками старины и современным зодчеством Франции, побывать в Париже, Бордо, Тулузе, Альби, Версале, в небольших городках и сельских поселениях.

Как известно, французская архитектура стоит в авангарде мирового зодчества. Она отличается оригинальностью и свежестью решений, высоким качеством строительства. Короче говоря, у архитекторов и строителей Франции есть чему поучиться.

Десять дней промелькнули, как одно мгновение. Особенное впечатление на меня произвел, конечно же, Париж. Набережная Сены, Лувр, Монмартр, кладбище Пер-Лашез, собор Парижской богородицы... Дивна и волшебна наша планета!..

Большое место в творчестве В. Е. Нусова занимает исследовательская и реставрационная работа. Он знает многие памятники архитектуры не только по книгам. Наряду с изучением мирового архитектурного наследия зодчий с неослабевающим вниманием следит за развитием современной советской и зарубежной архитектуры, что во

многом помогает ему принимать верные решения в работе с уникальными произведениями древних мастеров.

В 1968 году при Министерстве культуры Киргизской ССР была создана специальная научно-реставрационная мастерская, в которой В. Е. Нусов вначале работал на общественных началах, затем стал консультантом, а с 1976 — штатным старшим архитектором и одним из активнейших авторов.

Мастерская, как уже упоминалось выше, реставрировала мавзолей (гумбез) Манаса, башню Бурана, Узгенский архитектурный комплекс, вела исследования караван-сарая Таш-Рабат, разрабатывала проекты восстановления на основе тщательного изучения этих памятников.

В. Е. Нусов — один из пионеров реставрационного дела в нашей республике. Он всегда в самом центре реставрационных работ. Самой интересной среди них считается научная и поисковая часть, в которую входит глубокое и всестороннее изучение памятников архитектуры, исторической обстановки, которая предшествовала их появлению, исследование разнообразных археологических, литературных, чертежных и других материалов. На основе всего этого и возникает, возрождается первоначальный облик старинного сооружения.

Реставратор, кроме специальных знаний, должен обладать высоким художественным вкусом, необычайной интуицией и способностью к прогнозам, гипотезам, чувством глубокого понимания исторической эпохи памятника. Этими качествами в известной степени обладает и архитектор В. Е. Нусов, о чем свидетельствуют удачные, достигнутые мастерской в реставрации памятников архитектуры Киргизии.

Из воспоминаний В. Е. Нусова В Киргизии не так уж много архитектурных памятников, однако их художественное и историческое значение настолько велико, что они входят в ряд памятников мирового класса, ибо отражают самые характерные черты архитектуры эпохи Караханидов, которая включает в себя почти два столетия — с конца X века до последней четверти XII века. Подчеркнем, что ни в одной республике Средней Азии ничего подобного не встречается.

Моя работа по реставрации памятников архитектуры началась в 1946 году. Наш заказчик — Управление по делам архитектуры при Совете Министров Киргизской ССР — предложил разработать проект

реставрации и частичной реконструкции гумбе́за Манаса — единственного в Киргизии памятника архитектуры XIV века, сказания о котором народ связывает с именем легендарного баатыра Манаса — главного героя всемирно известного эпоса «Манас».

Когда археологи прочли на гумбе́зе старинные надписи, оказалось, что мавзолей воздвигнут в XIV веке на могиле дочери джагатайского эмира Абуки и никакого отношения к Манасу не имеет, но старинная легенда говорит, что такая надпись на гумбе́зе сделана для того, чтобы враги Манаса не осквернили его, поэтому и начертано на стенах, будто погребёна здесь некая девушка.

Перед архитекторами стояла весьма сложная творческая задача: восстановить в первоизданном виде, сохранить облик памятника, воссоздать древние черты, прежний образ этого сооружения, стиль, дух и колорит давно минувших дней.

Для этого надо знать историю, направление художественного мышления, способы и характер среднеазиатского зодчества, внимательно изучить литературные источники, по которым можно было бы представить стиль работы древних мастеров. Нужно было разыскать старинные рисунки, которые изображали бы это сооружение в ретроспективе, тщательно изучить памятник в натуре. Только тогда можно было приступать к разработке проекта его восстановления.

Работа над проектом длилась в течение целого года, но без исследования древних строительных материалов, без выработки методики и технологии реставрации к реконструкции приступать было нельзя. Литературные источники утверждали, что в глину строители гумбе́за для прочности добавляли козью и коровью шерсть, а когда были готовы кирпичи, то их проваривали в сале тысячи козлов.

Конечно, это легенда, и взять на веру рекомендации наших далеких предков современные реставраторы не могли. После организации в 1969 году Специальной научно-реставрационной мастерской и корректировки проектов с успехом были проведены работы на гумбе́зе Манаса, башне Бурана и Южном мавзолее в Узгене.

К реставрации была привлечена лаборатория строительных материалов Академии наук Киргизской ССР, сотрудники которой скрупулезно изучали кир-

пич древнего мавзолея Манаса, создавали новый, который точно имитировал старинные образцы не только по форме, но и по содержанию в них различных компонентов.

После длительных неоднократных испытаний на прочность, морозостойкость, увлажненность основной строительный материал был найден, изготовлены орнаментированные плитки из обожженной глины.

Летом 1968 года при археологических изысканиях, проведенных под руководством сотрудника научно-реставрационной мастерской Б. В. Помаскина, были найдены очень важные, крайне необходимые детали, которые дали возможность с предельной точностью воспроизвести образ мавзолея Манаса, а в 1970 году, к осени, реставрация и реконструкция этого сооружения были успешно завершены.

Таким же образом была возвращена к жизни и башня Бурана. Во время археологических изысканий на Бурагинском городище были обнаружены три мавзолея, баня и небольшое культовое сооружение. Теперь там организован музей.

Накопив определенный опыт, научно-реставрационная мастерская приступила к реставрации и частичной реконструкции широко известного архитектурного комплекса XI—XII веков в Узгене. Основательное архитектурно-археологическое исследование его началось еще в 1970 году под руководством талантливого археолога Д. Ф. Винника. Именно ему мы обязаны открытием пяти сооружений на Бурагинском городище, которые в значительной мере дополнили наши познания в истории зодчества и материальной культуры раннего средневековья Киргизии, позволили глубже заглянуть в далекое прошлое.

После реставрации Южного мавзолея стали работать на Северном, и через год четко определился его внешний облик. В целом работа на комплексе шла по плану, но были некоторые сложности со Средним мавзолеем, самым древним из трех. Он был больше разрушен и находился в плохом техническом состоянии. Купол его упал еще несколько веков назад, от западного портала сохранились лишь незначительные остатки, а южный портал был закрыт фасадом Южного мавзолея.

В результате появилось множество вопросов, ответ на которые мог «дать» только сам памятник.

Вот тут-то и родилась идея провести в нескольких местах зондаж стен с целью определения вида и степени сохранности южного портала Среднего мавзолея. Были противники зондажа, которые говорили, что стены не выдержат и рухнут. Но все же стены пробили в пяти местах. Одно отверстие, сделанное снаружи на стыке стен двух мавзолеев с восточной стороны, дало возможность установить, каким был декор колонки ниши. Он оказался в хорошем состоянии, и это удивило и обрадовало нас. Остальные отверстия открыли фрагменты орнаментации на южном портале Среднего мавзолея. Много веков это было тайной, и вот теперь над тайной поднялся занавес.

В 1982 году была закончена реставрация Среднего мавзолея и благоустроена территория вокруг него. В стремлении наиболее точно воспроизвести архитектурный облик одного из интереснейших сооружений раннего периода эпохи Караханидов приходилось неоднократно переделывать некоторые детали его экстерьера. Входные двери мавзолея выполнены мастерами из Самарканда по моим рисункам.

В 1982 году началась реставрация минарета в Узгене, одного из старейших сооружений в Средней Азии. Он построен примерно лет за семьдесят до известного минарета Каляна в Бухаре, который дает представление о зодчестве Караханидов в эпоху расцвета.

При работе над проектом графической реконструкции минарета, оказалось, что нынешний его облик не соответствует первоначальному виду. Обнаружилось, например, что существующая надстройка фонаря сделана в 1922—1923 годах в духе ферганской архитектурной школы. Фонарь имел восемь окон вместо двенадцати. Минарет был выше примерно на двенадцать с половиной метров и, конечно, выглядел значительно стройнее и величественнее нынешнего.

В проекте реставрации предусматривались конструктивное укрепление корпуса минарета железобетонным каркасом и почти полное восстановление орнаментации на цоколе и коническом теле сооружения...

Многие годы В. Е. Нусов и его коллеги мечтали о сохранении и реставрации архитектурных памятников Кирги-

зии. Теперь на их глазах и с их непосредственным участием мечты претворяются в жизнь.

Большой мастер своего дела, он, несмотря на солидный возраст, делает много доброго, значительного, неустанно передает свой богатейший профессиональный опыт молодым специалистам. В. Е. Нусов двадцать лет является членом правления Союза архитекторов Киргизии. Его неиссякаемый оптимизм, жизнелюбие, твердая вера в преобразующую силу архитектуры влечет к нему людей.

По нелегкому пути отца идет младшая дочь, которая вот уже больше десяти лет работает на ниве сельской архитектуры Киргизии.

В. Е. Нусовым написан целый ряд книг: «Памятники архитектуры Киргизии», «Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней», «Современная архитектура Киргизии».

Какое место занимает В. Е. Нусов в истории архитектуры нашей республики?

На протяжении всей своей творческой деятельности он всегда находился в первых рядах зодчих. Если обратимся к истории советской архитектуры, то увидим, что облик наших городов и сел создан трудом скромных, но самоотверженных и талантливых тружеников, отдавших себя без остатка служению любимому делу — архитектуре. Достижения нашей архитектуры — дело разума и рук таких, как Владимир Ефимович Нусов, заслуженный архитектор Киргизской ССР, которые с честью несут свою трудную службу, неустанным трудом украшая киргизскую землю.

ЕВГЕНИЙ ГАВРИЛОВИЧ ПИСАРСКОИ

АРХИТЕКТОР ВЛАДИМИР НУСОВ

ОЧЕРК ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Редактор *А. С. Мельникер*
Худож. редактор *С. Ямгырчиев*
Техн. редактор *Н. Лаврова*
Корректор *В. Заруцкая*

ИБ № 3545

Сдано в набор 3. 12. 1985 г. Подписано к печати 31. 03. 1986. Д—05705
Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. «Литературная»
гарнитура. Печать высокая, 1,25 физич. печ. л. +0,625 вкл. 2,10 ус-
ловн. печ. л. +1,05 вкл. 2,920 учет.-изд. л. 3,255 усл. кр.-отт.
Тираж 1000: Заказ № 50. Цена 25 коп.

Ордена Дружбы народов издательство «Кыргызстан»,
720737, ГСП, Фрунзе, ул. Советская, 170.

Киргизполиграфкомбинат им. 50-летия Киргизской ССР Госкомиздата
Киргизской ССР.
720461, ГСП, Фрунзе, 5, ул. Жигулевская, 102.

25 в

0-76 см

Ф 76/00000000